

Хотелось бы снять фильм об удовольствии

Кудытура. - 2004. - 25-31 марта. - с. 12

“Анатомия ада” (“Порнократия”) Катрин БРЕЙЯ была ожидаемой бомбой конкурсной программы “Ликов любви”. Фильм, балансирующий на грани хардкора, снятый французской скандалисткой по собственному роману и сопровождаемый закадровым текстом от автора в ее исполнении, — зрелище не для слабых духом. Радикал-провокатор и интеллектуалка Брейя (“Романс Х”, “Идеальная любовь”, “Узкий пролив”, “Интимные сцены”) в замкнутом пространстве фильма исследовала природу сексуальности как таковой, женской в частности. Все запретное — перед камерой, все пугающее — намеренно публично. Порнозвезда и хороший приятель режиссера Рокко Сиффредди (во всем мире известный одним лишь выдающимся достоинством) на пару с восточной женщиной Амирой Касар, бывшей моделью Хельмута Ньютона, разыграли порнофилософский диспут на четыре вечера. Под деревянным распятием женщина и гомосексуалист притягивают и отталкивают друг друга. Как и картина временами от драмы поворачивается к черной комедии, от сюрра к фарсу. У Катрин Брейя (между прочим, матери троих детей) весьма переменчивое лицо; она также может быть и вызывающе отталкивающей, и почти привлекательной, как и ее картины. Мужчин любить, по ее мнению, не за что, женщин, пожалуй, тоже, а делать Ветхий Завет основой религии — варварство. В один из своих будущих проектов режиссер звала Мадонну на главную роль, но та отказалась.

В Москве Катрин Брейя не впервые, но когда она говорит о своем

фильме, похоже, ей абсолютно все равно — в России либо Мавритании, к примеру, о нем говорить.

— Принято думать, что нагота — это незащищенность. В вашей картине нагота — самое слабое впечатление, она уже не трогает. Вам пришлось раскрепощать ваших актеров, пусть они и профессионалы, знакомые с порнографией?

— Здесь все происходит, как в любой ситуации в жизни, когда что-то делаешь в первый раз. В следующий раз уже гораздо проще, и страх отсутствует. И обнаженность никого не пугает; как только ты разделся, ты чувствуешь себя именно раздетым, но нельзя сказать, что незащищенным. И в ситуации с Рокко и Амирой Касар все получилось с точностью до наоборот: они настолько привыкли к сценам с обнаженкой, что боялись показаться неискренними в чувствах. Но в итоге у них все получилось.

— Чего вы боялись, когда снимали картину?

— Я боюсь вульгарных нападок на фильм. До сих пор. Моя книга и сам фильм несколько различаются, они не идентичны. Ведь озарение приходит в момент съемки.

— Насколько важна для вас литература, будете ли вы продолжать писать?

— Сейчас я отдаю предпочтение кино, оно притягивает меня больше. Кино обладает большим эгоцентризмом, чем литература, оно позволяет ответить на многие вопросы. Те символы, что есть в картине, понять можно спустя некоторое время. В творчестве я широко использую бессознательное. Я смотрю на результат. Чем старше ты становишься, тем

К.Брейя

больше понимаешь — это нормально.

— Почему все-таки “порнократия”?

— Сначала я хотела назвать фильм “Удовольствие”. Пока я фильм об удовольствии не сняла. Порнократия несет политический смысл, который не многие заметили. Я лично не считаю грехом то, что случилось между Адамом и Евой. Для меня знакомым моментом является то, что это первое знание дала женщина, а не мужчина.

— Вы бы желали, чтобы мужчины исчезли?

— Нет, я бы не хотела, чтобы мужчины исчезли совсем. Я люблю смешанность. Не люблю однообразие. По сексуальной принадлежности воспринимать нас по отдельности не стоит.

— Возможно ли в будущем обществе, по-вашему, достичь если не гармонии, то хотя бы временного согласия?

— Я думаю, что между мужчинами и женщинами возможно будет найти компромисс, но ситуация гораздо сложнее между самими мужчинами. Потому что нам хватает и природных катастроф, а все террористические акты последнего времени, все эти бомбы — это уже лишнее, для женского мира чрезмерное. Кризис для меня — это превышение власти. Например, на съемочной площадке власть обычно у меня, это нормаль-

но. В нашем обществе сегодня я нахожу, что мужчины выходят за рамки своих полномочий и пытаются взять власти больше, чем им положено. И нужно признать, что стремление к разрушению, к тирании — это все-таки отличительная черта мужчин. Вот сейчас в Литве начался судебный процесс по делу об убийстве Мари Трентиной. Я снимаю кино об отношениях, которые не могут закончиться иначе, как и в этом криминальном деле.

— А вы привязываетесь к актерам? Рокко Сиффредди играл у вас дважды, Роксану Месгиду в “Интимные сцены” вы позвали после фильма “За мою сестру”!

— С некоторыми я дружу, хотя прежде всего использую их как инструмент для создания своих фильмов. И Рокко, и Анн Парийо, и Роксану Месгиду (они обе играли у меня в “Интимных сценах”) я бы хотела снимать еще. Собственно, для Рокко и был написан сценарий фильма. Бывают и проблемы с артистами, когда они не хотят открыться на площадке, не хотят показать всю искренность своих чувств. И отсюда возникает конфликт между театром и кино. Это разные вещи. В театре актеры являются королями, в кино они лишь инструмент. Но при наличии таланта ты можешь как режиссер достичь союза с ними.

— Героиню Амиры Касар в филь-

ме герой называет королевой шлюх. Между тем черты ее византийского лица напоминают одновременно и великую Анну Маньяни, а в пластическом отношении она напоминает образы Веласкеса. Психологизм актрисы, в кадре одновременно и царственной, и порочной, была для вас принципиальна?

— Мне нравятся ее лицо, восточная царственная осанка (Амира родом из Ирана), то есть королевская составляющая — собственная принадлежность Амиры. А порочность, принесенная извне, была пережита ею, как я того и хотела.

— То есть?

— Мы бывали с Амирой в специфических ночных клубах, мы впитывали атмосферу освободительного и опустошающего морока, где люди испытывают границы своей сексуальности, неизбежно раздвигая рамки дозволенного. И хоть крупные планы мест, которые запрещено видеть, были сняты с дублершей актрисы, я все равно безмерно благодарна Амире за ее отвагу.

— В вашей картине “Идеальная любовь” девочка-подросток говорит матери, что ее младший брат не мог заснуть ночью, так как из соседней комнаты были слышны стоны и крики. И мать (не скрывающая, что была увлечена сексом с любовником) отвечает дочери с раздражением: “Но ты-то не инопланетянка, прекрасно понимаешь, что происходит”. По-вашему, эта женщина лишена дара педагогики или современные дети не должны никоим образом реагировать на родительскую личную жизнь?

— Нельзя отрицать очевидное. Если дочь знает о сексуальной жизни матери и та знает, что дочь знает, то зачем скрывать что-либо? Основная проблема, на мой взгляд, в том, что и взрослые, и дети должны научиться называть вещи своими именами. Когда этой возможности нет, возникают комплексы и страхи. В обществе присутствует значительная неискренность — это то, что меня постоянно угнетало. Разумеется, мать будет заниматься любовью с тем, с кем пожелает, и рано или поздно дочь об этом узнает. Молчание — это не преимущество в данном случае, это проблема.

— В ваших картинах зачастую много воды — у пляжа проходят съемки в “Интимных сценах”, в “Анатомии ада” героиня живет в заброшенном доме на скале у океана...

— Вода очень женственна, и в то же время она способна быть монстром, как это зачастую и бывает. То есть вода одновременно олицетворяет и жизнь, и смерть. Я ненавижу Средиземное море, а свирепый океан — это для меня, это я люблю. Вообще я не придерживаюсь картезианской теории о том, что все должно быть в настоящем, я привыкла использовать символы, дающие возможность связать прошлое и будущее. И в “Идеальной любви” это есть, и сейчас в “Анатомии ада”.

— Есть ли близкий мужчина в вашем окружении, которому небезразлично ваше творчество?

— В принципе встречаются такие особи, которые способны меня понять и вынести все то, что я делаю. Я все же пытаюсь показать свои лучшие качества и потому нахожу взаимопонимание. Никто же не является абсолютно белым или абсолютно черным, но очевидным является тот момент, что мужчины, конечно, преувеличивают свою власть и пытаются захватить еще больше.

— Вы говорили, что последней картиной завершаете цикл фильмов о “порнографическом императиве”. Что вы думаете делать дальше?

— Пытаюсь закончить сценарий по роману позднего романтика, французского писателя второй половины XIX века Барбе д’Оревилли “Старая любовница”. Этот сценарий — сейчас для меня самое интересное. И в планах также экранизация любовного романа Бальзака “Златоокая девушка” из его грандиозной “Человеческой комедии”.

— Это правда, что роль новобрачной в “Старой любовнице” вы предлагали Мадонне?

— У нас были переговоры, но думаю, что свою героиню я найду в любом случае: с участием Мадонны либо без нее.

— Д’Оревилли — это тот, кто критиковал общество с позиций нравственно-религиозного (католического) максимализма, автор “Ликов дьявола”?

— Он также автор романов “Перстенъ Ганнибала”, “Женатый священник”, “Рыжая любовница” и еще томов около сорока собрания сочинений.

Беседу вела
Оксана ГАВРЮШЕНКО
Фото к полосе
Ирины КАЛЕДИНОЙ

Кадр из фильма “Порнократия”